
В. О. БОБРОВНИКОВ

ОБЫЧАЙ, ШАРИАТ И РЭКЕТ В ПИСЬМАХ ОБ ИШКИЛЕ ИЗ ДАГЕСТАНА XVII–XIX вв.

Одной из самых загадочных и плохо изученных норм обычного права (*'адат*) в Дагестане остается *ишкиль*. Он давно привлекает внимание ученых. Материалы о дагестанском ишкиле еще в XIX в. начали собирать знаменитые русские историки права М. М. Ковалевский и Ф. И. Леонтович. В советское время об ишкиле не раз писали историки, этнографы и юристы. Но ученых интересовали преимущественно социальное содержание и истоки ишкиля, а не его правовые формы. Данная работа представляет попытку проанализировать ишкиль как меняющуюся обычно-правовую практику в историческом контексте эпохи российского завоевания Северного Кавказа, от которой дошло большинство арабских документальных источников об ишкиле.

У читателей, знакомых с последними исследованиями по обычному праву, название статьи может вызвать ассоциацию с серией работ о *баранте* в Казахской степи американского историка Виктории Мартин (Martin 1997; 2001). Сделано это намеренно. В истории ишкиля и баранты немало общего. К тому же мой подход близок к методике Мартин. Но я совсем не хотел переложить для Дагестана предложенную американской исследовательницей модель превращений обычного права в колониальной империи. Наоборот, судьбы ишкиля неплохо показывают, что ход развития обычного права в горах Северного Кавказа не обязательно повторял путь, по которому оно пошло в Казахской степи. Правовая действительность и политика империи на ее мусульманских окраинах была гораздо мозаичнее, чем обычно думают. Избранный ракурс позволил мне затронуть несколько загадок, связанных с ишкилем в Дагестане. До сих пор не определено, что это: преступление, самоуправство или право? А если право, то какое и для кого? Как ишкиль относился к баранте, и как он менялся по мере русского завоевания? В чем сходство и различие отношения к ишкилю со стороны шариатского движения XVIII–XIX вв., имамата Нагорного Даге-

стана и Чечни, чиновников Российской империи? Какие средства употреблялись при борьбе с ним? Что можно сказать о наследии ишкиля в регионе?

Пытаясь найти ответы на поставленные выше вопросы, я обратился к обширной переписке об ишкиле, которая велась в XVII–XIX вв. между сельскими общинами, их союзами, ханствами, русскими военными и гражданскими чиновниками на Северном Кавказе. Большинство писем написано по-арабски и еще не переведено на русский язык. Публикации отдельных документов в лучшем случае имеют археографическое описание рукописей без анализа их правовой формы и содержания. Источники по истории ишкиля включают несколько типов. Первая и самая многочисленная их группа – это письма по поводу конкретных случаев взимания ишкиля. Ко второму типу относятся различные законодательные акты – от договоров (араб. *имтифак*) до кодексов обычного права (араб. *дафтар*), включая знаменитые Гидатлинские адаты и Кодекс Рустемхана. Важную дополнительную информацию несут фетвы об ишкиле местных мусульманских правоведов, дореволюционное делопроизводство и законодательство, а также этнографические описания.

Используя в равной мере все перечисленные выше группы источников, я опирался в основном на неопубликованные документы Рукописного фонда Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской академии наук (РФ ИИАЭ. Ф. 16 (Письма). Оп. 1. № 1260–1310; Оп. 2. № 402; Ф. 1. Оп. 1. Д. 286, 289, 426, 444) в Махачкале, где хранится несколько сотен оригиналов писем об ишкиле, их бесчисленные копии XIX–XX вв. и десятки адатных кодексов из Нагорного Дагестана на арабском и тюркских (кумыкском и староосманском) языках.

Ишкиль и баранта

Прежде всего нужно определить, что понимали под *ишкилем*. По крайней мере с XV в. этим понятием в Дагестане называли право истца напасть на односельчан ответчика и захватить их собственность или их самих, с тем чтобы заставить ответчика выплатить просроченный долг или удовлетворить истца исполнением иного рода обязательств. Такая своеобразная форма рэкета имела параллели в обычае, известном в Большой Кабарде и Черкесии на Северо-Западном Кавказе, а также Казахской степи под тюркским названием *баранта* (Радлов 1861: 1481) (иначе *барамта*, *барымта*).

Между ними были и существенные различия, о чем я подробнее скажу ниже. Пока же важно определить содержание судебных исков об ишкиле.

Среди писем об ишкиле можно выделить четыре большие группы дел. Это: I) частные обращения заимодавцев к должникам из других общин с требованием вернуть долг под угрозой ишкиля; II) ответные иски общин ответчика о выкупе арестованного имущества и людей; III) тяжбы по поводу ишкиля на уровне и при посредничестве союзов общин (араб. *джайш*, *нахийя*, «вольных обществ» в терминологии русских авторов начала XIX в.); IV) дела горской знати против общинников-узденей, захвативших в ишкиль их имущество или подданных. Группы эти отражают четыре уровня судебной власти и права в иерархии местного мусульманского общества. Большинство документов относится ко 2-й и 3-й группам. Вот характерные примеры писем об ишкиле:

I

«От Рамазана Баршамайского...¹ Аци Харахинскому².

Мир Вам, милость и благословение Аллаха. Да хранит Вас Аллах от сатанинской злобы. Аминь³.

С получением этого письма вышли долг, ссуженный тебе согласно твоему договору и известный моему кунаку [по имени] Уцисай, подателю сего письма. Иначе я возьму через него *ишкиль*, как разрешено брать. Остальное ты услышишь из уст подателя сего письма. И обратно⁴ привет.»⁵

«Хаджжи-Муса из Караха, проживающий в селении Гоцатль, желает вечного мира членам сельского суда ('укала') и общине (*джама'а*) селения Кахаб-Росо⁶.

¹ В этом месте документ порван и два слова не удалось прочесть.

² Баршамай – даргинское селение в составе Кайтагского удмийства, Харахи – аварское селение Койсубулинской конфедерации общин (авар. *Хьиндалал*) в горах Среднего Дагестана.

³ Переход к содержательной части документа здесь и в других документах отмечен выделенной более крупным почерком стандартной фразой *ва ба'д* («А затем»), которая имеет синтаксическое значение красной строки и потому опущена в переводе.

⁴ Буквально «привет от *кяф* до *каф*» (обратный порядок двух соседних букв арабского алфавита).

⁵ Оригинал письма хранится в РФ ИИАЭ. Ф. 16. Оп. 1. № 1260. Написан на клочке грубой бумаги местного производства размером 78/82×152 мм, без даты, вероятно, XVIII в. Здесь и далее перевод писем об ишкиле с арабского языка В. О. Бобровникова.

⁶ Карах – аварская конфедерация общин в верховьях реки Кара-Койсу, Гоцатль – аварское селение на южных границах Аварского ханства, Кахаб-росо (авар. *Хьахлаб-росо*, буквально

О, правосудные и справедливые люди! Велите вашему односельчанину Мусе отдать [причитающийся] мне долг размером в один *гуруи*⁷ в руки подателя сего, вашего односельчанина Мухаммада сына Сулаймана, который является держателем моего ишкитя (*сахиб ишкити*), или же пусть придет в селение Гоцатль, где, по [нашему] договору (*ва'д*), должен быть уплачен долг. Если он не отдаст [долга] и не придет, то я не верну ишкитя через подателя сего письма.» (РФ ИИАЭ. Ф. 16. Оп. 1. № 1276)⁸.

II

«Мир вам, милость и благословение Всевышнего Аллаха!

От старшин (*ар-пу'аса'*) Кудали их благородным братьям имаму и старшинам Миатли (авар. *МагIалал*)⁹. Да исполнит Аллах ваши помыслы!

Пошлите к нам Исил (авар. «Исаева») Мухаммеда, а мы пошлем вместе с ним известного справедливостью человека в [союз селений] Каралал, с тем чтобы, по показаниям его кунака (*дайфи-х*), была установлена истина в отношении вора. Так пусть он (здесь Исил Мухаммед. – В. Б.) поклянется вместе с тем, кто окажется с ним, и завершат [тяжбу]¹⁰ для возвращения ишкитя без отговорок. О том, что произойдет (на суде. – В. Б.), вы узнаете от Ибрахима. Для вас это лучшее. Будьте здоровы!» (Там же. № 1267)¹¹.

«Белое село») – другое аварское селение за пределами Хунзахского плато, тоже относившееся к Аварскому ханству.

⁷ Турецкий пиастр, ходивший на Восточном Кавказе конца XVIII – начала XIX в. наравне с российской 10-рублевой серебряной монетой.

⁸ Договор на бумаге местного производства размером 63x152/155 мм, без даты, вероятно, XVIII – начало XIX в.

⁹ Две аварских общины. Первая в изучаемое время принадлежала к большому и сильному союзу Андалал, вторая – к конфедерации аварцев Салатавии на востоке от Салатавского хребта.

¹⁰ Речь идет об очистительной присяге, широко распространенной в судах по адату. К ней прибегали в случае отсутствия прямых улик или свидетелей. Подозреваемый мог очиститься, если один или несколько родственников из его тухума, известных честностью, поклянутся, что он невиновен. Количество присягавших зависело от тяжести преступления и определялось согласно местному адату. Если обнаруживалась ложность присяги, клятвеннопреступник нередко обязан был развестись с женой (так называемая кебинная присяга, от *кебин*, тюрк. «брак»). Для очищения от подозрения в воровстве, по адату, требовалось два заслуживающих доверия свидетеля, связанных с обвиняемым узами родства или (как в данном случае) куначества. Исил Мухаммед из Маали был кунаком кудалинца, заподозренного в краже у его односельчанина из Маали.

¹¹ Оригинал документа на бумаге местного производства размером 82/84x134 мм, без даты, с оттисками двух арабских перстней-печаток, вероятно, XVIII в.

«От великих и справедливых старшин (араб. *руаса ва-кубара ва-урафа*) Сиуха (авар. *Сахъал*) великим и справедливым старшинам и всему обществу Килатли (авар. *Килал*)¹² бесконечные и бесчисленные приветы.

Узнайте, что податель этого письма Мухаммед Ханилав – близкий родственник убитого. У него есть [право] за свой тухум убить убийцу и преследовать его. Нельзя брать ишкиль в иске против убийцы. Так прикажите вернуть его осла, если вы справедливы.» (РФ ИИАЭ. Ф. 16. Оп. 1. № 1261)¹³.

«Большинство жителей общины (*джама 'а*) Гоор (авар. *Гъаал*), а в особенности Гитинав (авар. *ГъитИनाव*), желают большинству жителей благословенного общества Аймаки¹⁴, и в особенности Хаме (авар. *ХIама*), мира, милости и благословения Всевышнего Аллаха. Аминь.

Мы хотим уведомить вас, что провели расследование, разыскивая в нашем селении человека, который захватил кинжал у вашего односельчанина в виде ишкиля (*бисм ал-ишкил*), но не нашли его и не выяснили, кто это был. Поскольку обстоятельства сложились так, прикажите вашему односельчанину вернуть кинжал нашего односельчанина в руки подателя сего письма. Мы же постараемся сделать [то же самое] для вашего односельчанина, как это водится между людьми. [Имущество] напротив увеличится, если будет угодно Всевышнему Аллаху! Остальное и приветы вы услышите из уст подателя сего.» (Там же. № 1269)¹⁵.

III

«От правителей (араб. *вула*) Цудахара правителям Усиша¹⁶.
Привет вам и милость Аллаха!

¹² Сиух – аварское селение Койсубулинской конфедерации, Килатль – аварский союз общин в составе конфедерации Гумбет на севере Нагорного Дагестана.

¹³ Оригинал документа написан на бумаге местного производства размером 80x150 мм, без даты, вероятно, относится к концу XVIII в.

¹⁴ Гоор – аварский джамаат, входивший в союз Андалал, но к XVIII в. отделившийся от него. Аймаки – аварское селение, подчинявшееся Мехтулинским ханам.

¹⁵ Оригинал договора на бумаге местного производства размером 66x116 мм, вероятно, XVIII в. или начало XIX в.

¹⁶ Цудахар – сильный союз сельских общин даргинцев в Среднем Дагестане. Усиша – даргинское селение, входившее в конфедерацию горцев Акуша-Дарго. Во главе обоих союзов стояли выборные муфтии.

Велите вашему односельчанину освободить ишкилей, потому что он захватил их противозаконно. Ведь один из ваших односельчан присягнул за другого, его свидетельство принято и выслушано даргинцами¹⁷. Было решено повинаться. Решение же даргинцев вынесено согласно его свидетельству. Будьте здоровы!» (РФ ИИАЭ. Ф. 16. Оп. 1. № 1263)¹⁸.

«Кади и знать (*кубара*) Цудахара приветствуют благородного имама кади Акуша.

Велите вашим односельчанам послать кого-либо забрать *алым*¹⁹ за то, что случилось между даргинцами, и освободить ишкилей (*аша'кил*). Поистине вы поймете из этого немногого многое.» (Там же. № 1262)²⁰.

IV

«Благородный господин правитель (*хадрат ал-амир*) Эльдар-хан-бек²¹ желает членам сельского суда, старшинам (*ал-'укала' ва-р-ру'аса*), хаджи и кади городка (*балдат*) Аргвани²² мира, милости и благословения Всевышнего Аллаха.

Да хранит их Всевышний Аллах от всяких бед!

Да будет вам известно, что мы захватили в ишкиль неприкосновенного (*му'мин*) подателя письма из ваших односельчан (*шахсукум*), чтобы он был ходатаем ради собственности одного из наших земляков Салмана, захваченной вами в ишкиль, а затем отпустили его по просьбе его кунака, поручившегося возместить причиненный нам ущерб (*даман*). Салман требует вернуть ружье и шашку, взятые вами в ишкиль. Если же вы не вернете этой собственности, то мы возьмем ишкиль и во второй, и в третий раз, доколе не будет решена и завершена эта тяжба. Это в ваших возможностях. Будьте здоровы!» (Там же. № 1272)²³.

¹⁷ Речь идет об очистительной присяге.

¹⁸ Оригинал на бумаге местного производства размером 82×90 мм, без даты, вероятно, XVIII в.

¹⁹ Тюрк. «вира за пролитие крови». Синоним араб. *дийа*.

²⁰ Оригинал на бумаге местного производства размером 86×108 мм, с оттиском смазанной арабской печати, без даты, вероятно, XVIII в.

²¹ Вероятно, письмо написано от имени Тарковского шамхала Эльдар-бека сына Муртузали Казанищинского, правившего в 1735–1744 гг.

²² Аргвани – крупная аварская община из конфедерации Гумбет на севере Нагорного Дагестана.

²³ Оригинал. В отличие от предыдущих писем об ишките документ написан более изящным почерком на бумаге больших размеров (148/151×139/132 мм) и лучшего качества,

Приведенные выше документы показывают характерные случаи захвата ишкиля. Чаще всего его брали для возмещения убытков по просроченным долговым обязательствам и случаям воровства. Ишкиль также применяли в имущественных спорах между супругами из разных селений (РФ ИИАЭ. Ф. 16. Оп. 1. № 1305) и при погромах угодий скотом (Там же. № 1267 об., 1279, 1292). Брать ишкиль разрешалось только за пределами своей общины (араб. *джама'а*), где местный правовой обычай, или адат, терял юридическую силу. Следуя характерным для дагестанского *'адата* нормам талиона, за утраченную вещь старались захватить равную ей: за осла – осла, за быка – быка, за коня – коня, за кинжал – кинжал, за винтовку – винтовку. Чаще всего ишкиль брали скотом и оружием. В качестве ишкиля могли захватывать и заложников-*аманатов*, продавая их в рабство в случае невыплаты долга. Само понятие означало, вероятно, «захват, арест»²⁴ движимой частно-семейной собственности (*мулк*²⁵).

Процедура взимания ишкиля была следующей. Сначала истец вызывал ответчика в суд своей или нейтральной общины. Если тот не являлся, в общину ответчика посылали письмо с угрозой применения ишкиля. Его нередко отвозил *кунак* истца, по обычаю обязанный защищать интересы своего гостя как собственные. Как «держатель ишкиля» (араб. *сахиб ишкил*) он часто захватывал имущество или заложников. Нападение в отличие от запрещенного адатом и шариатом грабежа на большой дороге (араб. *игара*) должно было производиться днем и не из засады. При этом в роли наводчиков опять же выступали кунаки. Об этом говорят суровые санкции, которые адат устанавливал за донос в чужое общество (Соглашение ободинцев... 1999: 99–100). Дело нередко кончалось примирением-*маслахат* (араб. *сулх*) и возвратом ишкиля.

ближневосточного происхождения. По времени правления Эльдар-бека можно отнести его к 1730–1740-м гг. На обороте круглая арабская печать.

²⁴ Этимология термина неясна. Если видеть в ишките перевод местного понятия на арабский, что вообще-то характерно для правовой лексики доколониального Дагестана, скорее он ближе к корню *и-к-л*: «спутывать животное» (*шаккала*), «путь» (*ишкит*). Термин употребляется с арабскими глаголами «брать» (*ахаза*, чаще всего), «пленять» (*хабаса*), «отдавать» (*атлака*), «возвращать» (*радда*).

²⁵ Хотя *мулк* относится к общим категориям мусульманского права, его существование в Дагестане изучаемого периода в немалой степени зависело от норм местного адата.

М. М. Ковалевский выводил ишкиль из «родового права», но, по верному замечанию М. А. Агларова, не привел тому убедительных доказательств (Ковалевский 1890: 133; Агларов 1988: 162–163). Действительно, в наших письмах ни разу не говорится о клане (араб. *кабила* для нах.-даг. из перс. *тухум*). Организатором и жертвой ишкиля была сельская община (*джама* 'а) либо включавшие ее конфедерация общин (*нахийя*) или даже ханство. Используя известное определение Салли Ф. Мур, эти институты можно назвать «полуавтономным социальным полем» (Moore 1973: 720) этого обычая. Они определяли социальное пространство и тех игроков (*actors*), которые становились организаторами и жертвами ишкиля.

В ишкиле отразился военный характер дореформенной общины-*джамаата*. Ее полноправным членом мог быть лишь воин, носивший почетный титул *узденя*. В Нагорном Дагестане и Чечне это понятие означало не военную знать, как это было в Большой Кабарде и других исторических областях Северо-Западного Кавказа XVIII – первой половины XIX в., а свободных воинов-общинников. Военные силы общин и их объединений строились по принципу всенародного ополчения. Для отпора врагу или нападения на соседей все взрослое мужское население превращалось в военный отряд. Ополчения селений объединялись в конфедерации, а те – в сверхсоюзы или ханства. Недаром в правовых документах и переписке того времени понятия «народ», «община», «конфедерация» и «ополчение» (авар. *бо*, дарг. *хуробо*, анд. яз. *игьа*, груз. *эри*) слились. Их переводили на арабский как «войско, воины» (араб. *'аскар*, *джайш*, *джунуд*) (Бобровников 2002: 30–31, 321). Между общинами и их союзами часто случались войны. В переписке встречается понимание ишкиля как правильной войны (Соглашение танусинцев... 1999: 104).

Военная природа ишкиля роднит его с барантой на Северном Кавказе и в Казахской степи. Киргизы тоже называли баранту войной (*бу нулды*) (Гродеков 2000: 128). И у казахов, и у адыгов барантование принимало форму военного похода. Но баранта охватывала более широкий спектр явлений. Леонтович, обобщив материалы, собранные на Северо-Западном и Центральном Кавказе, выделил следующие значения этого понятия: «а) скот...; б) преступление в смысле обыкновенного грабежа, насильного отнятия и завладения чужой вещью...; в) военный захват, угон или полон людей и скота...; г) наказание в смысле грабежа или ограбления, ...конфискации имущества; е) арест (до суда) чужого имущества в обеспечение

прав кредитора, также при неудовлетворенной личной обиде, материальном ущербе, воровстве...; f) мера обеспечения исполнения судебного приговора...; g) право родных убитого до исполнения кровомщения “барантовать” имущество убийцы; наконец, h) право князя отбирать имущество у подвластных людей – узденей и чагар» (Леонтович 2002: 299–300).

Под ишкиль подходят только параграфы е) и f). Как уже говорилось, ишкиль не был связан с кланом-*тухумом* и потому не касался кровомщения. В одном из приведенных выше писем прямо говорится: «Нельзя брать ишкиль в иске против убийцы» (РФ ИИАЭ. Ф. 16. Оп. 1. № 1261). Только если при нападении случались ранения и убийства, кроме возврата ишкиля полагалось дать виру (араб. *дийа*, тюрк. *алым*). Недаром в одном из приведенных выше писем конца XVIII в. «кади и знать (араб. *кубара*’) Цудахара» просят акушинского кади «велеть их односельчанам послать кого-либо забрать виру (тюрк. *алым*) за то, что случилось между даргинцами, и освободить ишкилей (араб. мн. ч. *аша’кил*)» (Там же. № 1262). У кровной мести и ишкиля в доколониальном Дагестане были четко разграниченные правовые поля. Поэтому в адатных кодексах ишкиль обычно помещали между статьями об убийствах и ранениях и штрафах за кражу и порчу собственности.

За пределами адата и шариата

Условия и порядок применения ишкиля регулировала община-джамаат. В XVII–XIX вв. шла его постепенная кодификация. Нормы ишкиля сначала определялись во внутри- и межобщинных договорах-иттифак, а затем входили в состав адатных кодексов отдельных джамаатов и их союзов. Вместе с другими нормами местного адата на судьбе ишкиля сказалась пришедшаяся на этот период борьба общинников-узденей против горской знати. Недаром в Дагестане накануне русского завоевания различались адаты об ишкиле *беков* и *чанков*²⁶, с одной стороны, и общинников-узденей –

---

²⁶ *Чанками* в Дагестане называли потомков от браков беков и ханов с женщинами из узденей. Правовой статус их был ниже горской знати. В борьбе общин со знатью чанки держали сторону последней, хотя некоторые из них и переходили на сторону общин. Из политических деятелей первой трети XIX в. чанкой был имам Гамзат-бек, в юности поддерживавший тесные связи с домом *нуцалов* Аварии, но затем порвавший с ним и перебивший летом 1834 г. в Хунзахе семью аварских ханов.

с другой (Акт... 1999: 35). Характерный пример такого соглашения узденей был заключен в Аркасе в 1819 или 1820 г.:

«Хвала Аллаху, Господу миров! Да благословит Аллах и приветствует Мухаммеда, весь его род и сподвижников!

Это разъяснение на будущее.

Жители селений Мехтулы (кум. *Магьдул*), кумыков (*къумукъ*) и все араканцы (кум. *Гьаракан*) заключили соглашение²⁷ не подвергать ишкитею тех из них, кто не входит в их общину, но решать дела и тяжбы между собой как жители одного селения.

Уплачивать [долг] с недвижимого имущества (*ал-мал ас-сабит*)²⁸ согласно благородному шариату или по привычному [им] обычному праву (*расм*), учитывая вексель [должника], если у того есть имущество.

Если у него не имеется этого имущества, пусть должник будет взят и выдан в руки заимодавцу, головой отвечая за деньги, занятые им по договору.

Это решают кади и члены сельского суда (*'урафа'*).

На кади и членов суда, не разобравших тяжбу внутри общины, оштрафовав ответчика в рублях (*р-б-л*, ?), ложится выкуп (*фидйа*) размером в *сом*²⁹ в пользу жителей селения.

Если после того, как иск был завершен ими, истец возьмет с члена чужой общины ишките, то на нем – выкуп размером в сом.

Если истец уведомил жителей селения в том, что его дело не решено членами сельского суда и кади, подтвердив это устным заявлением своего кунака, с которым разделял хлеб-соль³⁰, а тот не постарался завершить его тяжбу, доведя иск до членов суда, кади и жителей селения, приложив к этому все силы, на кунака ложится выкуп размером в один сом.

---

²⁷ Речь идет о политико-правовом договоре (араб. *иттифак*) между союзами общин, входившими в Мехтулинское ханство, конфедерацией во главе с кумыкским селением Кафыр-Кумух и джамаатом аварцев во главе с с. Аракани.

²⁸ В арабском оригинале стоит «недвижимость» (*ал-мал ас-сабит*), но, по мнению Т. М. Айтберова, это ошибка, и речь идет о скоте. В тексте много тюркизмов, а по-кумыкски *мал* означает «мелкий скот». См.: Айтберов 1999, ч. I: 97.

²⁹ Османская денежная единица.

³⁰ Буквально «кунака по ячменной каше» (араб. *дайф ас-савик*).

Что же касается дел о воровстве, то кумыки и мехтулинцы передают их своему благородному правителю *шамхалу* Махди-хану³¹.

Они написали данную бумагу (тюрк. *кагыз*), согласно его *фирману*³² и повелению, а записали ее на собрании мехтулинцев и кумыков в Аркасе в присутствии правителя шамхала Махди-хана³³ в тысяча двести тридцать пятом году от *хиджры*, совершенной Пророком³⁴.

Свидетели [тому] из Тарков – хаджи Мухаммед-Али и Абдурахман сын Аты; из [Нижнее] Казанище – Ахмед Черный, кадий Абдурахман сын Абдаллаха и Абакай сын Шейха; из Карабудахкента – Хусан-Акай, Баммат сын Муртаза-Али и Султан сын Надир, из Губдена – кадий Эльдар и Муса сын Сунгура; из Эрпели – эрпелинский хан Султан-Ахмед; из Дургели – кадий Вали и Мусалав сын Хубая; из [Нижнего] Дженгутая – Таймаз-хан и Атав; из Верхнего [Дженгутая] – Мухамма сын Шалая; из Шуры – кадий Хасан, Али сын Паши и Осман сын Хамзы; из Параула – кадий Гасан-Гусейн; из Кадара – Муртаза-Али сын Жажи и кадий Аббас; из Охли – хаджи Мусалав и Пирбудаг; из Кулецмы – кадий Мухаммед-Амин и хаджи Омар, из Апши – Абдаллах-кади; из Аймаки³⁵ – кадий Магриб. Аллах же – лучший свидетель!» (РФ ИИАЭ. Ф. 16. Оп. 1. № 1271)³⁶.

³¹ Шамхал Тарковский Махди-хан (II), сын Мухаммед-шамхала и отец упомянутого в документе 3.2. Абу-Муслим-хана, правил в 1796–1830 гг.

³² В подражание указам боровшихся тогда за власть над Дагестаном султанов османской Турции и шахов сефевидского Ирана шамхалы Тарковские также называли свои указы фирманами (перс.).

³³ Т. М. Айтберов связывает проведение собрания в Аркасе с передачей в 1818 г. генералом А. П. Ермоловым, который командовал в 1816–1827 гг. Кавказским корпусом русской армии, мехтулинских и бамматулинских владений шамхалу Тарковскому Махди-хану. См.: Айтберов 1999, ч. II: 75.

³⁴ 1235 г. х. = 1819–1820 гг.

³⁵ Свидетели договора собрались из аварских, кумыкских и даргинских селений, частью подвластных Мехтулинским ханам, а частью граничивших с землями ханства.

³⁶ Оригинал соглашения записан на листе голубоватой бумаги европейского производства размером 207×168 мм и заверен на обороте арабской печатью Махди-шамхала. Переводы соглашения опубликованы Т. М. Айтберовым, а затем автором данной статьи. См.: Айтберов 1999, ч. I: 96–98 и описание рукописи на с. 23–24; Обычай... 2009: 145–147. В настоящем издании уточнены правовые понятия источника.

Тем самым ишкиль выводился за пределы действия общинного права (араб. *расм*). Сфера его действия ограничивалась спорами между общинами, их союзами и ханствами. Соглашения XVII–XVIII вв. запрещают применять его между джамаатами, объединившимися в конфедерацию-нахийя. В этом случае долг взыскивали сельские исполнители, представлявшие своего рода полицию (араб. *шурата*’, авар. *гелиби*) (РФ ИИАЭ. Ф. 16. Оп. 1. № 1267 об. и др., *passim*). Адат узаконивал долговое рабство по отношению к неисправным должникам, выдавая их головой кредитору. Кроме того, вводились ограничения на применение ишкиля к должностным лицам общины – судьям-кади, глашатаям-мангушам, исполнителям, пастухам, ремесленникам и вынужденным много путешествовать студентам-мута’аллимам. Ишкиль нельзя было брать за околицей селения ответчика. Такие правила вводили, в частности, Уцмиевы адаты в Кайтаге³⁷.

С кодификацией ишкиля связана одна загадка. Переходя от переписки к соглашениям, а затем к кодексам, нельзя не заметить, что ишкиль постепенно пропадает со страниц общинного законодательства. В Кодексе Рустем-хана, Своде решений союза Андалал и кодексе союза аварцев «Дары цветов, дремлющих во дворе адатов селений»³⁸ еще признается право кредитора взыскать долг при помощи ишкиля через старшин конфедерации. За противодействие захвату ишкиля или отказ принять в нем участие полагался крупный штраф (Омаров 1968: 179–182; Памятники... 1965: 265–267, 63). Чуть более поздние Гидатлинские адаты запрещают брать ишкиль без разрешения старшин (Гидатлинские... 1957: 20, 40), а своды Цекоба и других аварских селений, составление которых завершилось ко второй трети XIX в., не называя ишкиля, штрафуют кунаков за участие в нем (Памятники... 1965: 99; РФ ИИАЭ. Ф. 5. Оп. 1. № 1658; Хроника... 1931: 66).

Не надо думать, что к этому времени обычай исчез. По косвенным данным многие письма об ишките можно датировать первой и второй третью XIX в. Одно такое письмо написано шамхалом Тарковским Абу-Муслим-ханом, правившим в 1836–1860 гг. В обширной

³⁷ Их русский перевод см. в кн.: Омаров 1968: 186, 189, 190.

³⁸ Последний источник более известен под подложным названием «Кодекс законов Умму-хана». В 2001 г. М. Кемпер, работая в РФ ИИАЭ вместе с автором этих строк, обнаружил фотокопию оригинала кодекса с подлинным заголовком. Разбор этого кодекса см. в кн.: Kemper 2005: 334–335.

переписке имамата Шамиля (1834–1859) мне удалось обнаружить несколько писем, так или иначе связанных с ишкилем. Сам имам не раз выступал посредником при выдаче ишкиля в обмен на исполнение требований истца (Омаров 1997: 110, 116, 146, 174; 2002: 95). Вместе с тем знаменитый «Низам» Шамиля ни разу не упоминает про ишкиль, устанавливая денежные штрафы за воровство и обеспечение долга всем наличным имуществом (Кодекс... 1992: 13, 25–28).

Дело в том, что кодификация ишкиля пришлась на эпоху подъема шариатского движения, выступавшего против несовместимых с мусульманским правом местных обычаев, в первую очередь ишкиля. В XVIII в. отдельные дагестанские селения и их союзы заключали соглашения о приведении норм гражданского и имущественного права в соответствие с шариатом. Наиболее известны соглашения сходов союза Томурал (1710 г.), гидатлинского селения Ассаб (1741–1742 гг.), конфедераций Ахты-пара (до 1748 г.), Акуша (1748–1749 гг.), соглашение кумухцев с Сурхай-ханом II (1813 г.) (Айтберов 1999, ч. I: 36–37, 42, 44–71, ч. II: 105–106). Отдельные нормы мусульманского права были включены в адатные кодексы. Один из них, принятый на сходе закатальских аварцев в Агдаме в 1751–1752 гг., запрещал ишкиль даже по отношению к чужим общинам, обязывая джарцев решать имущественные иски либо по шариату, либо по адату (Хроника... 1931: 66–67). Мусульманские правоведы пытались вывести ишкиль за пределы как мусульманского, так и обычного права.

Письма об ишкиле наводнила исламская риторика. В них зазвучали призывы отказаться от этого «недозволенного насилия» и «отвратительной несправедливости» (РФ ИИАЭ. Ф. 16. Оп. 1. № 1264). Выпады против ишкиля говорят как о делегитимизации этого обычая, так и о его устойчивости. Интересно отметить, что среди жертв и инициаторов ишкиля нередко встречались и ревнители шариата из числа сельских кади. Письма полны этими примерами. Например, акушинский кади пишет кади Шамсутдину, что украденная у того кобылица с приплодом возвращена ему, и просит его отпустить ишкиль (Там же: № 1274). Его преемник обращается к общине Чуни, прося «приказать их односельчанину отпустить ишкиль имама Куппы» (Там же: № 1287). Большинство писем об ишкиле написано от лица кади, защищавших интересы своих односельчан, и адресовано опять-таки кади и сельским имамам. Таким образом, даже сторонни-

ки шариатского движения были вовлечены в ишкильное противостояние.

Ишкиль на окраинах Российской империи

Российская империя также столкнулась в Дагестане с проблемой ишкилья. В последней трети XVIII и первой половине XIX в. отношение к этому явлению российских властей претерпело сильные изменения. На первых порах они смирились с барантованием и даже сами применяли ишкиль к нарушителям закона. Как верно отметил Томас Барретт, в северокавказском пограничье (англ. *frontier*) русские испытали сильнейшее влияние местных нравов и обычаев (Барретт 2000). Так, в 1753 г. владелец Костека Алиш-бек испрашивал у кизлярского коменданта бригадира И. Л. фон Фрауендорфа подтвердить «разрешение (*фурман*) брать барамту в Аухе», выданное им приехавшему от русских в Костек некоему Кантемиру (Оразаев 2002: 192, 193). Включаясь в систему ишкильного противостояния, комендант Кизлярской крепости И. С. Вишняков выдавал в сентябре 1783 г. людям шамхала Тарковского Муртада-‘Али временные паспорта (рус. *билет*, кум. *йол кагызлар*) на проезд через русские владения, «чтобы по дороге с ними не случился ишкиль» (Там же: 374, 375)

Но уже в первой половине XIX в. русские военные власти решительно выступали против ишкилья, характеризуя его как «самоуправство». Общее видение проблемы в этот период сильно напоминало разобранную выше политику имамата. Показательна характеристика ишкилья в примечании к русскому переводу Кодекса Рустем-хана (1860 г.): «Обычай этот служил поводом к непрерывным грабёжам и разбоям» (Омаров 1968: 177). Тут хорошо чувствуется типичное для того времени ориенталистское клише о дикости горцев и их склонности к разбою. К этому времени ишкиль нередко получал антироссийскую политическую окраску. Сельские общины и конфедерации на границах имамата и Российской империи использовали его как средство политического давления на горскую знать (*беков, чанков*) и мусульманскую элиту (*кади, ‘улама’*), перешедшую на службу империи. При помощи ишкилья старшины джамаатов пытались освободиться от уплаты новых податей русским.

Ситуацию времен Кавказской войны (1817–1864 гг.) неплохо описывает одно из последних писем об ишкиле, в котором шамхал Тарковский Абу-Муслим-хан требует от общины Чиркея вернуть захваченный у него скот, угрожая довести инцидент до сведения русских властей:

«Благородный Абу-Муслим-хан³⁹ желает *кади*, справедливым и благочестивым старшинам (*ал-‘укала’ ас-сулаха*), и общине Чиркея⁴⁰ мира и удачи от Предвечного Аллаха на пути искренних и верных!

Толпа ваших односельчан захватила у моих людей двадцать одну пару быков и заточила в тюрьму двух моих людей в виде ишкиля (*бисм ал-ишкил*). Что за отвратительное дело вы учинили с моими людьми! Ведь я никогда прежде не захватывал ничего из вашего скота и лошадей, даже из взятого у вас беками (*‘умара’*) Туркали⁴¹ с разрешения моего брата Шамхала⁴², а затем возвращенного вам согласно договору. За мной нет ни ваших лошадей, ни нарушения закона по отношению к вам. Так зачем поступать так дурно? Каковы будут последствия, если ваш поступок станет известным русским властям? [Не знаю], стараетесь ли вы обмануть нас и русских лживыми обещаниями и фальшивыми договорами или же то, о чем мы узнали (захват ишкилей. – *В. Б.*), есть начало расторжения обещаний и нарушения договоров. Если [верно] первое, то мы в отличие от русских не поддадимся обману. Совсем нет. Мы с русскими различаем добродетельных от злодеев. Если [верно] второе, то кто же поддержит вас, когда станет известно о возобновлении утихшей было смуты (*фитна*). О, возлюбленные братья, не распространяйте порока и смуты. Заставьте замолчать [голоса] порочных. Верните задержанный скот и людей, чтобы ваш поступок не заставил вас раскаяться в содеянном и не привел вас к

---

³⁹ Шамхал Тарковский Абу-Муслим-хан, сын Махди-шамхала, правивший в 1836–1860 гг.

⁴⁰ Чиркей – главное селение аварской конфедерации Салатавии.

⁴¹ Туркали – река, по имени которой назывались относившиеся к шамхальству и принадлежавшие кумыкским бекам селения Торкали-Узень, Альбурикент и Кяхулай. Ныне в границах г. Махачкалы.

⁴² Речь, похоже, идет о старшем брате Абу-Муслим-хана Сулейман-паше, занимавшем престол шамхальства Тарковского в 1830–1836 гг. Ко времени его краткого правления следует отнести и упомянутый в письме инцидент, когда туркхалинские беки угнали в виде ишкиля стадо из Чиркея.

убыткам. Хорошенько подумайте! Поистине, разум удаляет... и прочее. Будьте здоровы!» (РФ ИИАЭ. Ф. 16. Оп. 1. № 1308)⁴³.

Приведенный документ показывает, что при принятии российского подданства сельские общины и конфедерации обещали не применять ишкитя на территории империи, что вполне согласовывалось с принципами местного адата. Рецидивы его случались, пока шла Кавказская война. Но после разгрома имамата и «умиротворения» горцев в 1859 г., подавления последнего крупного восстания в 1877 г. ишкитя терял под собой почву. С одной стороны, его противники были как в лагере русских, так и среди сторонников имамата. После окончания Кавказской войны большинство шамилевских *на'ибов* и *кади* остались в Нагорном Дагестане на своих постах уже как чиновники введенного здесь в 1860 г. косвенного «военно-народного управления», при котором власть на местах была оставлена в руках местной элиты, поставленной после подавления восстания 1877 г. под жесткий контроль русских военных. Уцелевшая мусульманская элита общин дружно выступала за отмену ишкитя.

Что еще более важно, с окончанием русского завоевания были уничтожены полуавтономные социальные поля, в которых прежде практиковался ишкитя. Мусульманское пограничье превращалось во внутренний регион империи. К 1867 г. на территории Дагестанской области были упразднены последние ханства. Сельские конфедерации стали административными единицами девяти округов (*наибства*, араб. *нахийат*), на которые был разделен пореформенный Дагестан. Из полунезависимого военно-политического образования джамаат превращался в основную податную и судебную-административную единицу военно-народного управления, перестраиваемую в крестьянскую общину по русскому пореформенному образцу (*сельское общество*). Сельские ополчения были преобразованы в отряды иррегулярной жандармерии (*горской милиции*), а в 1870-е гг. по большей части распущены.

Реформы лишили ишкитя как правовой, так и социальной опоры. Сохранив правовую автономию обычному и мусульманскому праву⁴⁴, государство создавало для них новое социальное поле в

---

⁴³ Оригинал письма написан на листе бумаге 114×177 мм, без даты, относится, скорее всего, к концу 30-х гг. XIX в. На обороте отгиск квадратной печати-перстня Абу-Муслима.

⁴⁴ По Проекту об управлении Дагестанской областью (1860 г.), «...судопроизводство в Дагестанской области отправляется... по адату и шариату и по особым правилам, постепенно

бессловной пореформенной общине. Противостояние общины и знати потеряло свое значение. Потеряв былые привилегии, горская знать входила в российское дворянство. Мусульманская духовная элита в Дагестане не получила подобно другим регионам империи привилегированного статуса и постепенно сливалась с узденской верхушкой. Согласно «Положению о сельских обществах» 1868 г. сельский сход и словесный суд, контролируемые старшиной, могли рассматривать по шариату только гражданские и имущественные иски (включая займы, обязательства и сделки) до 100 р., а по адату – «воровство» и мелкие уголовные правонарушения, ущерб от которых не превышал 30 руб. (Проект... 1898: 2–3, 8–9, 14). Приводившие к ишкилью имущественные споры узденей со знатью и между общинами перешли в Дагестанский и окружные народные суды по адату и шариату. Всякое неповиновение властям каралось военными судами по общим законам империи (АКАК 1904: 436–437).

Быстро менялось и обычное право. В 50–70-е гг. XIX в. по инициативе местных властей в Дагестанской и Терской областях сельские сходы пересматривали нормы адата, отменяя те из них, которые нашли «вредными и несоответствующими духу настоящего времени» (Леонтович 2002: 60). В число «вредных адатов», конечно, попал ишкиль, с этого времени исчезающий со страниц адатных кодексов, судебных дел и даже этнографических описаний «юридического быта» (Там же: 61, прим. 2). Характерно выступление против «вредных адатов» члена сельского суда из Темир-Хан-Шурина округа: «В них есть много такого, что не может понравиться русским. Если мы не поспешим выкинуть или исправить некоторые из адатов, то мы, наверно, дождемся того дня, когда через них мы потеряем право решать свои домашние дела по адату». Эта речь сильно взволновала сход, и только после выступления кади в поддержку адата предложение отвергли (Амиров 1873: 40).

Наследие ишкиля

В результате российских завоеваний и реформ уже к концу XIX в. ишкиль исчезает из быта и даже языка. Уже в начале XX в. смысл этого слова стал непонятен большинству дагестанцев. За несколько десятилетий Российская империя добилась того, что не удавалось

составляемым на основании опыта и развивающейся в них потребности...» (см.: АКАК 1904: 435).

ни деятелям шариатского движения XVIII–XIX вв., ни средневековым улемам, на протяжении столетий борющимся с ишкилем (Бобровников 2002: 61; Шихсаидов 2006: 43). Как ей это удалось? Почему ишкиль не пошел по пути баранты, которая, как показала на казахских материалах Мартин, адаптировалась к новым колониальным порядкам, потеряв при этом прежнее правовое значение в разрешении споров между кланами и общинами? Перейдя в сферу отношений мусульманских общин с государством, барантование превратилось в конокрадство, новый адат и бич колониального общества, с которым ни Российская империя, ни СССР не смогли справиться на протяжении десятилетий.

Я не хочу подвергать здесь сомнению выводы, к которым пришла в своих работах американская исследовательница. Мой тезис иной. Судьба ишкиля показывает, насколько многообразно шло развитие мусульманского общества и его права, адаптировавшихся к новым условиям жизни в пограничье сначала Российской, а затем советской империи. Не следует абсолютизировать опыт ни одной отдельной окраины империи. Ни Казахская степь, ни Нагорный Дагестан не дают нам универсального примера колониальной трансформации обычного права и местного мусульманского общества под российскими реформами. Ведь даже режим военно-народного управления, задуманный для всего Кавказского края, удалось более-менее реализовать только в Дагестанской области. Другие области Северного Кавказа перешли в 1882 г. в ведение Военного министерства, а в Закавказье было установлено общероссийское губернское управление (Бобровников 2002: 166–171).

Причинами исчезновения ишкиля в Дагестане, как уже говорилось, были уничтожение полуавтономных социальных полей доколониального джамаата и мусульманских ханств, а также позиция, занятая представителями мусульманской духовной элиты, в руки которых перешла власть над общиной. Ишкиль был характерной практикой мусульманского пограничья империи, которая должна была отмереть после того, как Дагестан оказался в тылу России. К тому же судьба адата в дореволюционном Дагестане сложилась не так, как это было в Казахской степи и даже в не столь отдаленных от него Чечне, Кабарде или Адыгее. С одной стороны, в этих районах не было шариатского движения XVIII в., охватившего Нагорный Дагестан и приведшего к созданию имамата, в течение почти четверти столетия сопротивлявшегося нажиму Российской империи. С другой стороны,

Дагестан XIX в. не испытал ни массовой эмиграции замиренных горцев в Османскую империю, ни переселений из Центральной и Южной России.

Государство продолжало бороться с барантой до советского времени. В 1928 г. она попала в число «преступлений, составляющих пережитки родового быта» (X гл. УК РСФСР). Ишкиль же не вписался в мусульманское сопротивление властям империи и постепенно исчез еще в XIX в. Лишь его отдельные элементы – набег с похищением скота и заложников, конокрадство – сохранились в Дагестане до конца XX в. В периоды ослабления государства в годы двух русских революций, Гражданской и Отечественной войн, двух постсоветских российско-чеченских военных кампаний все вовлеченные в конфликт стороны широко использовали подобные действия (подробнее об этом см. в моей книге: Бобровников 2002). В труднодоступных горных районах региона действовали сельские банды, специализировавшиеся на конокрадстве и заложничестве. Новый всплеск криминальной активности начался в Северном Дагестане и Чечне в 90-е гг. XX в. Но еще в дореволюционную эпоху все эти действия перестали ассоциироваться с ишкилем.

Не вписавшись в имперскую колониальную систему, ишкиль в отличие от баранты и кровной мести избежал превращения в новое «колониальное правонарушение». Его не затронули ни разработанный в наместничество князя А. И. Барятинского (1856–1862) и реализованный при его преемнике Великом князе Михаиле Николаевиче (1862–1881) амбициозный проект поддержки адата с опорой на общину-джамаат в ущерб шариату и мусульманскому повстанчеству, ни попытки заменить колониальные адаты «революционным» шариатом в первое десятилетие советской власти, ни кампания создания советов старейшин времен «застоя» 60–70-х гг., ни попытки постсоветских властей опереться на возрожденную мусульманскую общину и «полезные адаты» горцев. Ишкиль отошел в историю и принадлежит сегодня к забытым адатам, которые неудобно, да и не просто вспомнить.

Литература

Агларов, М. А. 1988. *Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII – начале XIX в.* М.: Наука.

Айтберов, Т. М. 1999. *Хрестоматия по истории права и государства Дагестана в XVIII–XIX вв.* Ч. I, II. Махачкала.

Акт касательно перехода вихлинского чанки в сословие узденей и о правовых последствиях этого (начало XVIII в.). В: Айтберов 1999, ч. I.

Акты, собранные Кавказской археографической комиссией (АКАК). Т. XII. Тифлис, 1904.

Амиров, Г. М. 1873. *Среди горцев Северного Дагестана. Сборник сведений о кавказских горцах.* Вып. VI. Тифлис.

Барретт, Т. М. 2000. Линии неопределенности: северокавказский «фронтир» России. *Американская русистика: веки историографии последних лет. Императорский период* / сост. М. Дэвид-Фокс. Самара: Самарский университет.

Бобровников, В. О. 2002. *Мусульмане Северного Кавказа: обычай, право, насилие.* М.: Вост. лит-ра.

Гидатлинские адаты / публ. и пер. М.-С. Дж. Саидова; под ред. Х.-М. О. Хашаева. Махачкала, 1957.

Гродеков, Н. И. 2000. Киргизы и каракиргизы Сырдарьинской области. *Степной закон. Обычное право казаков, киргизов и туркмен* / сост. А. А. Никишенков. М.: Старый сад.

Ковалевский, М. М. 1890. *Закон и обычай на Кавказе.* Т. II. М.: Тип. А. Мамонтова и К^о.

Кодекс Шамиля. Махачкала, 1992.

Леонтович, Ф. И. 2002. *Адаты кавказских горцев.* Вып. I. Нальчик.

Обычай и закон в письменных источниках из Дагестана V – начала XX в. Т. 1. До присоединения к России / сост. и отв. ред. В. О. Бобровников. М., 2009.

Омаров, А. С. (сост.) 1968. *Из истории права народов Дагестана.* Махачкала: Тип. Даг. ФАН СССР.

Омаров, Х. А. 1997. *100 писем Шамиля.* Махачкала.

2002. *Образцы арабоязычных писем Дагестана XIX в.* Махачкала.

Оразаев, Г. М.-Р. 2002. *Памятники тюркоязычной деловой переписки в Дагестане XVIII в. (Опыт историко-филологического исследования документов фонда «Кизлярский комендант»).* Махачкала.

Памятники обычного права Дагестана XVII–XIX вв. / сост. Х.-М. О. Ха-шаев. М.: Наука, 1965.

Проект положения о сельских обществах, их общественном управлении и повинностях государственных и общественных в Дагестанской области (Хазихи кава'ид фи байан джама'ат кура вилайат ад-Дагистан ва-фи тадбир умури-хим ва-л-хукук ал-ваджиба 'ала ахали ал-кура ли-л-фадишахийя ва ли-л-джама'а). Темир-Хан-Шура, 1898.

Радлов, В. 1861. *Опыт словаря тюркских наречий*. Т. 4. Ч. 2. СПб.

Рукописный фонд Института истории, археологии, этнографии Дагестанского научного центра Российской академии наук (РФ ИИАЭ).

Соглашение ободинцев касательно наказания доносчиков из числа своих земляков (конец XVIII в.). 1999. В: Айтберов 1999, ч. II.

Соглашение танусинцев с буцринцами по различным правовым вопросам (1217/1802–1803 гг.). В: Айтберов 1999, ч. II.

Хроника войн Джара в XVIII столетии / пер., комментар. П. Жузе. Баку, 1931.

Шихсаидов, А. Р. 2006. Ахмад ал-Йамани. *Ислам на территории бывшей Российской империи: энциклопедический словарь* / сост. и отв. ред. С. М. Прозоров. Т. I. М.: Вост. лит-ра.

Kemper, M. 2005. *Herrschaft, Recht und Islam in Daghestan von den Khanaten und Gemeindebunden zum gihad-Staat*. Wiesbaden: Reichert Verlag.

Martin, V.

1997. Barymta: Nomadic Custom, Imperial Crime. In Brower, D., Lazzarini, E. (eds.), *Russia's Orient: Imperial Borderlands and Peoples, 1750–1917* (pp. 249–270). Bloomington: Indiana University Press.

2001. *Law and Custom in the Steppe*. Richmond: Curson.

Moore, S. F. 1973. Law and Social Change in the Semi-autonomous Social Field as an Appropriate subject of Study. *Law and Society Review* 7.